
Иногда
самое сильное
оружие —
это любовь...
Три месяца
Тишины
A. Vey
18+

A. VEY
Три месяца тишины

https://litres.ru/74829352
SelfPub; 2026

Аннотация

Три месяца. Девяносто дней тишины. И только одно сообщение: «Всё нормально».

Лекс больше не может ждать. Оставив дома двоих маленьких детей, она отправляется туда, где находится человек, без которого не представляет своей жизни.

Цыган не знает, что она едет. Не знает, что совсем скоро среди привычных лиц увидит ту, которую меньше всего ожидал встретить на этой стороне войны.

Здесь чужие люди становятся семьёй, шутки спасают от отчаяния, а за каждым спокойным днём может скрываться беда.

Это история о любви, которая сильнее расстояний, о дружбе, ставшей родством, о потерях, страхе и надежде.

О девушке, которая приехала к мужу, но обрела гораздо больше, чем искала.

Ведь иногда самое страшное — не опасность вокруг, а тишина тех, кого любишь.

Содержание

Глава 1 5
Три месяца тишины 5
Вечер за день до отъезда. 11
Последний вечер дома. 14
Два часа 18
Маска. 23
Глава 2 27
Конец ознакомительного фрагмента. 108

A. VEY
Три месяца тишины

Глава 1

Три месяца тишины

Шёл 2026 год. Окончание войны все еще казалось чем-то далёким, почти нереальным. Каждый день я ждала звонка, сообщения любой вести с передовой от своего солдата. Но телефон предательски молчал. День сменялся ночью, а ночь новым днём, вестей так и не было..

Три месяца.Ровно столько я не слышала мужа.

Сначала я ждала звонка. Потом привыкла проверять телефон каждые несколько минут, даже когда понимала, что нового сообщения не будет. Я ловила себя на том, что прислушиваюсь к каждому пришелшему уведомлению, вздрагиваю от случайного звука и каждый раз надеюсь увидеть на экране его имя.

Ожидание становилось невыносимым. Я больше не могла просто сидеть и надеяться, что однажды услышу его голос и наконец смогу хоть немного выдохнуть. Но телефон все так же молчал.

Я пыталась узнать хоть что-нибудь. Звонила, писала, спрашивала, ждала ответа. И каждый раз слышала одно и то же: «Всё нормально».

Эти два слова ничего для меня не значили. Они не объ-

ясняли, где он, почему так долго может выйти на связь и почему я не могу услышать хотя бы несколько секунд его голоса. Мне не нужны были обещания, что всё обязательно будет хорошо. Мне нужна была правда. Или хотя бы что-то настоящее, за что можно было бы зацепиться. Но мне не давали ничего.

Я продолжала жить свою жизнь как и до его ухода, по крайней мере я пыталась это делать. Заботилась о детях, занималась домашними делами, разговаривала с родными. Со стороны, наверное, всё выглядело как обычно. Только внутри каждый день оставался один и тот же вопрос, на который никто не мог ответить. Где же ты?

Моему сыну было два с половиной года. Дочери — полтора года. Они были ещё слишком маленькими, чтобы понять, почему папа так долго не звонит, почему мама иногда надолго замолкает, глядя в экран телефона, и почему взрослые говорят, что всё хорошо, хотя я сама уже не могла в это поверить.

Я не могла объяснить детям, что происходит. Да и сама не понимала.

В какой-то момент я осознала, что больше не могу просто ждать.

Я не хотела провести ещё один месяц, отсчитывая дни между очередным «все нормально». Не хотела снова слышать это чужое и спокойное «всё нормально», не зная, что за ним стоит на самом деле. И не хотела оставаться далеко от

человека, которого любила, когда сама могла оказаться рядом.

Но дело было не только в нём.

Я давно думала о службе. Мне хотелось не просто ждать окончания войны, а самой стать частью того, что происходило. Хотелось быть полезной, выполнять свой долг, защищать свою страну. Я понимала, что это решение изменит мою жизнь, и не питала иллюзий насчет того, насколько трудным может оказаться этот путь.

И всё же я решила ехать.

Я собиралась подписать контракт и отправиться на СВО. Там был мой муж. И там я сама хотела быть.

Родители и дети ничего не знали. Для них я собиралась в командировку в Москву на год. Я не представляла, как рассказать им правду, поэтому пока оставила всё как есть.

Теперь я сижу в пункте отбора на военную службу по контракту и жду заключения военно-врачебной комиссии.

Я уже сделала свой выбор.

Оставалось дождаться документов.

Я всегда хотела носить погоны. С самого детства представляла, как однажды надену форму, как буду стоять ровно, смотреть прямо и знать, что занимаюсь тем, для чего родилась.

Но я никогда не представляла, что однажды форма станет для меня способом добраться до собственного мужа.

Три месяца. Девяносто дней, в которые я просыпалась с

надеждой увидеть сообщение и засыпала с телефоном в руке. Девяносто дней, в которые мне говорили, что всё нормально. И ни одного ответа, которому я могла бы поверить.

Я боялась ехать. Боялась остаться. Боялась, что однажды мне позвонят и скажут то, после чего моя жизнь уже никогда не станет прежней.

И больше всего я боялась, что однажды пойму, что у меня был шанс оказаться рядом, но я им не воспользовалась.

Я не знала, как правильно. Наверное, впервые в жизни я вообще не понимала, какое решение будет правильным. Поэтому я выбрала то, что мучило меня сильнее всего прямо сейчас.

Я поеду к нему.

А как потом смотреть в глаза детям, я пока не знала.

На улице было холоднее, чем мне казалось из окна.

Я остановилась у выхода, сжимая в руке папку с документами. Обычная папка. Несколько листов бумаги, военный билет, заключение комиссии. Ничего особенного. Но именно с этого момента моя жизнь начала меняться по-настоящему.

Завтра я получу экипировку. А вечером сяду в эшелон, который увезёт меня туда, куда я ещё недавно боялась даже мысленно себя отправить.

Я должна была радоваться.

Только в детских мечтах никто не говорил о том, что однажды ты можешь надеть эту форму ради человека, которого

любишь. Ради надежды увидеть его живым. Ради возможности хотя бы попытаться оказаться рядом, когда он тебе нужен.

Я достала телефон.

На экране были фотографии детей. Сын улыбался во весь рот, показывая маленькие зубы, а дочка сидела у меня на руках и пыталась схватить камеру. Такие маленькие. Такие беззащитные. Они ещё даже не понимали, насколько огромным бывает мир и сколько боли он способен принести.

Я провела пальцем по экрану.

— Господи, ну как же так… — тихо выдохнула я.

Мне предстояло сказать родителям, что я уезжаю. Только не правду. Для них это будет командировка в Москву на год. Работа, документы, обычная жизнь, в которой ничего страшного не происходит.

Я уже представляла мамин голос, её вопросы, беспокойный взгляд. Она наверняка заметит, что я нервничаю. Спросит, почему я так тороплюсь, почему не могу нормально объяснить, что за работа меня ждёт. А если узнает правду…

Нет. Я не могла позволить себе даже представить этот разговор.

Я знала своих родителей. Они будут переживать. Будут просить меня остаться, напоминать о детях, о том, что у меня есть ради кого жить и ради кого беречь себя. И каждое их слово будет попадать точно в то место, которое я и без того старалась не трогать.

Потому что я и сама всё это знала.

Я знала, что у меня двое малышей. Знала, что они нуждаются во мне. Знала, что могу не вернуться.

Но я также знала, что уже три месяца живу в неизвестности. И с каждым днём эта неизвестность медленно съедает меня изнутри.

Я не могла больше сидеть дома и ждать, пока однажды телефон зазвонит.

Мне нужно было что-то делать. Хоть что-нибудь.

Я убрала телефон в карман и направилась к остановке.

До дома оставалось совсем немного времени. А мне казалось, будто я возвращаюсь туда, где всё ещё принадлежит прежней жизни: игрушки на полу, детская одежда на сушилке, знакомый запах дома, голоса родителей. Всё то, что завтра уже не будет казаться таким привычным.

Я ещё не знала, как смогу обнять детей на прощание и не заплакать.

Не знала, как посмотрю в глаза маме.

И не знала, хватит ли у меня сил не передумать в последний момент.

Но документы лежали в сумке.

А значит, решение уже начало превращаться в реальность и право на бегство у меня не было.

Вечер за день до отъезда.

Дома всё было как обычно.

И, наверное, именно это оказалось самым тяжёлым.

На полу валялись игрушки. На диване лежал маленький плед дочери. Сын что-то увлечённо рассказывал мне на своём, понятном только ему языке, а дочка тянула ко мне ручки, требуя взять её на руки.

Я улыбалась им. Целовала в макушки. Поправляла одежду, вытирала маленькие ладошки.

И всё время думала о том, что завтра меня здесь не будет.

Сначала я старалась не смотреть на часы. Потом начала считать, сколько времени осталось до завтрашнего вечера. С каждой минутой внутри становилось теснее, словно кто-то медленно затягивал узел у меня в груди.

Я положила дочку рядом с собой и провела ладонью по её волосам. Она тут же ухватилась за мой палец своими крошечными пальчиками и крепко сжала его.

И меня будто ударило. Она ведь не понимает.

Не понимает, что мама собирается уехать. Не знает, что завтра я буду складывать вещи, получать экипировку и садиться в поезд. Не знает, что я могу вернуться через год, а могу не вернуться совсем.

Для неё я просто мама, которая сейчас рядом. И я вдруг поняла, что боюсь не только умереть. Я боялась пропустить

их жизнь.

Первое, что они научатся делать без меня. Новые слова. Новые привычки. Первые обиды, первые слёзы, первые победы. Я боялась, что однажды вернусь домой и увижу, насколько они выросли, а сама не смогу вспомнить, когда именно они перестали быть такими маленькими.

А если не вернусь?

Я резко отвернулась, стараясь не заплакать при детях.

— Мама здесь, — прошептала я дочке, хотя эти слова были нужны, кажется, больше мне самой.

Она улыбнулась.

И всё. Этого оказалось достаточно, чтобы внутри что-то надломилось.

Я прижала её к себе и заплакала — тихо, почти беззвучно, уткнувшись носом в её макушку. Мне было стыдно за собственный страх, хотя я даже не могла объяснить, перед кем именно испытываю этот стыд. Я сама приняла решение. Никто не заставлял меня подписывать контракт. Никто не тащил меня в пункт отбора. Я могла отказаться, могла остаться дома, могла продолжать ждать звонка и надеяться, что однажды мне наконец скажут правду.

Но… я не могла больше ждать.

И теперь, когда решение стало настоящим, мне хотелось вернуть время назад хотя бы на один день. Не для того, чтобы отказаться. Просто чтобы задержаться и побыть здесь, с ними, пока они ещё такие маленькие и пока я ещё могу об-

нять их обоих одновременно.

В голове звучал голос Цыгана:

«Ты не понимаешь, насколько это тяжело, Лекс».

Я закрыла глаза.

— Понимаю, — прошептала я. — Кажется, теперь понимаю.

Но он не мог меня услышать.

Я посмотрела на детей и впервые по-настоящему испугалась того, что сама выбрала.

Не потому, что разлюбила свою мечту. Не потому, что передумала ехать к мужу. А потому, что поняла цену своего решения.

И никакая любовь, никакая мечта и никакое чувство долга не могли сделать эту цену меньше.

Последний вечер дома.

Когда я вернулась домой после решения одной небольшой задачи, мама была на кухне.

Из комнаты доносился голос папы — он что-то рассказывал сыну, а тот заливался смехом, не понимая половины слов, но искренне радуясь одному только вниманию деда. Дочка сидела на полу перед ними и перебирала игрушки.

Всё было настолько привычным, что на секунду мне захотелось поверить: ничего не изменилось. Я просто съездила по делам, сейчас сниму куртку, вымою руки, возьму детей на руки, а завтра наступит ещё один обычный день.

Только в сумке на моем плече лежали документы, которые говорили об обратном.

— Ну что, всё решила? — спросила мама, выглянув из кухни. — С работой-то?

Я на мгновение замерла.

Вот он, первый вопрос. Самый обычный, заданный без малейшего подозрения. А у меня внутри всё сжалось так, словно она уже знала правду.

— Да, мам. Всё нормально. Сегодня ещё кое-что оформила, а вечером уезжаю.

— Уже сегодня? — Она удивлённо подняла брови. — Быстро же ты.

— Сама не ожидала.

Я отвернулась, будто мне срочно понадобилось проверить телефон.

Мне было проще говорить неправду, когда я не видела её глаз.

Мама начала расспрашивать о дороге, о жилье, о том, что я буду делать в Москве. Я отвечала коротко, стараясь не запутаться в собственных словах. Каждая новая фраза давалась тяжелее предыдущей.

Мне хотелось сказать ей всё. Просто достать документы, положить их на стол и признаться, что я еду не в Москву. Что я подписала контракт. Напомнить о том, что три месяца не знаю, где мой муж и что с ним. Что я больше не могу сидеть и ждать, пока неизвестность окончательно меня сломает.

Но я представила её лицо, когда она услышит правду. Представила, как она сначала не поверит, потом начнёт задавать вопросы, а после начнет кричать и попросит меня остановиться. Как позовёт папу. Как они оба будут смотреть на меня, пытаясь понять, когда именно их дочь успела принять такое решение и почему приняла его одна.

И я промолчала. Не потому, что не доверяла им. Я просто не хотела, чтобы последние часы перед отъездом превратились в прощание, которого никто из нас не смог бы выдержать.

Вечером мы сидели за одним столом. Папа рассказывал какую-то историю, мама поправляла сыну тарелку, а дочка капризничала, потому что хотела спать.

Я слушала их и ловила себя на странной мысли: я хочу запомнить этот вечер.

Не весь. Не разговоры и не то, что было на ужин. Мне хотелось запомнить ощущение дома — когда все рядом, когда ничего не нужно объяснять, когда можно просто сидеть за столом и знать, что ты среди своих.

Я смотрела на родителей и понимала, что завтра они будут провожать меня совсем в другую жизнь, о которой даже не подозревают.

— Ты чего сегодня такая тихая? — спросил папа.

Я подняла голову.

— Устала просто.

Он посмотрел на меня чуть внимательнее, но ничего не сказал.

А я опустила глаза, боясь, что он заметит то, чего я так старательно пыталась не показывать.

Дети наконец затихли. Из родительской комнаты больше не доносилось ни звука. Дом постепенно погружался в тишину, и только я лежала с открытыми глазами, слушая собственное дыхание.

Через час я уеду. Через час мама будет думать, что её дочь отправилась на работу. Папа, возможно, попросит позвонить, когда доберусь. Дети проснутся утром и не поймут, почему я собираю вещи.

А я поеду навстречу неизвестности, надеясь найти своего мужа. Я повернулась на бок и посмотрела на спящих детей.

— Простите меня, мои маленькие, — прошептала я. — Я так хочу, чтобы у вас всё было хорошо.

Я не знала, услышит ли меня кто-нибудь.

Но в ту ночь мне очень хотелось верить, что однажды они поймут: я не уезжала от них. Я пыталась найти дорогу к человеку, без которого сама уже не понимала, как жить дальше.

Два часа

Я вышла из квартиры на два часа раньше, чем было нужно на дорогу.

Сказала, что нужно кое-что сделать перед дорогой, что лучше всё проверить заранее. Кажется, мама хотела что-то спросить, но я уже отвела взгляд и направилась к выходу параллельно натягивая ботинки и накидывая куртку.

Мне нужно было побыть одной. Потому что если бы мама обняла меня на прощание, если бы папа привычно напомнил позвонить, когда доберусь, если бы дети проснулись и пошли ко мне протягивая свои маленькие руки, я могла бы не уйти.

А мне нужно было уехать.

Я закрыла за собой дверь в квартиру, вышла на общий балкон и несколько секунд просто стояла, прислонившись к стене. В руке был телефон, в кармане лежали документы, а в голове крутилась одна мысль: я действительно это делаю.

Я включила экран телефона, а там на меня с фотографии смотрели мои дети.

И меня прорвало. Я закрыла лицо руками, но это не помогло. Слёзы полились так сильно, что я не сразу смогла нормально вдохнуть. Я пыталась успокоиться, вытереть щёки, заставить себя собраться, но стоило представить их лица, как всё начиналось снова.

Я вспомнила, как по вечерам дочка забиралась ко мне на

живот. Она устраивалась поудобнее, немного возилась, сопела, а потом прижималась ко мне всем своим маленьким тельцем и обнимала. Иногда я гладила её по спинке, иногда целовала в макушку. Она постепенно успокаивалась, и я чувствовала её тёплое дыхание рядом.

Такая простая вещь. Я никогда не думала, что однажды буду вспоминать её с таким страхом.

А теперь я стояла на холодном балконе и пыталась представить, как буду засыпать без неё. Без маленьких ручек, без тёплого веса на животе, без тихого сопения, которое раньше иногда мешало мне уснуть, а теперь казалось самым дорогим звуком на свете.

— Господи… — выдохнула я, прижимая телефон к груди.

Мне хотелось вернуться в квартиру, лечь рядом с дочкой и дождаться утра. Пусть она снова заберётся на меня, обнимет, уткнётся носом. Пусть сын придёт, устроится рядом и начнёт смеяться над какой-нибудь ерундой, которую поймёт только он. Я бы многое отдала за ещё один обычный вечер.

Но даже если бы я осталась дома, тишина никуда бы не исчезла. Цыган всё ещё не выходил на связь.

Три месяца, за которые я привыкла проверять телефон сразу после пробуждения и перед сном. Три месяца, за которые слово «нормально» стало самым ненавистным словом в моей жизни.

Я не знала, что ждёт меня впереди. Не знала, смогу ли найти его, выдержать службу, остаться той же Лекс, которой

была раньше. Я знала только, что больше не могу ничего не делать.

И всё равно мне было страшно.

Я вспомнила сына — его улыбку, когда он видел меня после сна, его заразительный смех, который мог начаться с какой-нибудь мелочи. Иногда ему хватало того, что я смешно произносила слово или корчила рожицу, чтобы он запрокидывал голову и хохотал так, что я сама не могла удержаться. Я представила, как однажды он улыбнётся мне, а я этого не увижу. Как дочка потянется ко мне, а меня не окажется рядом. Как они будут расти, меняться, учиться чему-то новому, а я не буду знать, что их сегодня рассмешило, что они впервые сказали или сделали. Я не хотела пропустить их детство.

Не хотела оставлять родителей с тревогой, которую они даже не могли назвать.Не хотела ехать туда, где мне самой было страшно.

Но я хотела найти мужа. И хотела наконец осуществить мечту, которую носила в себе с детства. Всё это было правдой одновременно. И ни одна из этих правд не делала остальные менее болезненными.

Я посмотрела на время. Прошёл почти час.

Целый час я плакала, вспоминала детей и пыталась убедить себя, что поступаю правильно. Успокаивалась, вытирала лицо — и снова вспоминала, как дочка обнимает меня перед сном, как сын смеётся, запрокидывая голову.

Мне казалось, что я уже скучаю по ним так сильно, будто не видела их месяцами.

Я открыла переписку с Цыганом.

Последние сообщения всё так же молчали на экране. Я перечитала их, хотя знала каждое слово. Потом начала печатать:

«Я еду к тебе».

Посмотрела на эти три слова. И удалила.

Что бы я написала следом? Что мне страшно? Что я не знаю, правильно ли поступаю? Что оставляю детей и родителей, потому что больше не могу ждать?

Он не мог ответить. А я не могла даже представить, что почувствовала бы, если бы он прочитал это и снова начал отговаривать меня.

Я убрала телефон и обняла себя за плечи.

Потом поднялась. Ноги затекли, глаза болели от слёз. Мне нужно было привести себя в порядок и выдвигаться в путь, будто ничего не произошло.

Я вытерла щёки и посмотрела на своё отражение в тёмном стекле.

— Соберись, Лекс, — сказала я себе.

Голос прозвучал хрипло и совсем неуверенно.

Я попробовала ещё раз:

— Ты справишься.

Но на этот раз не смогла себе поверить.

И всё же я расправила плечи, вдохнула поглубже и откры-

ла балконную дверь.

Маска.

Я протёрла лицо холодной салфеткой и посмотрела на себя в экран телефона.

Глаза всё ещё немного покраснели. Лицо выглядело уставшим, но это можно было списать на бессонную ночь и предстоящую дорогу.

Я провела ладонями по щекам, убрала волосы с лица и расправила плечи.

— Всё, Лекс. Хватит.

Я говорила это себе много раз — перед сложными разговорами, после неудач, в моменты, когда хотелось разреветься, но рядом были люди.

Я знала, как нужно выглядеть. Подбородок чуть выше. Спина ровная. Взгляд прямой. Улыбка лёгкая, уверенная, словно у меня нет ни единой причины сомневаться в себе.

Я посмотрела на своё отражение и улыбнулась. Получилось хорошо. Настолько хорошо, что мне самой на секунду стало не по себе.

Я умела выглядеть сильнее, чем была на самом деле. Могла смеяться, когда хотелось плакать, упрямо доказывать, что справлюсь сама, даже если внутри уже не оставалось сил. Если мне было страшно, я чаще злилась, чем признавалась в страхе. А если что-то причиняло боль, старалась занять себя чем-нибудь, лишь бы не оставаться наедине со своими мыс-

лями.

Цыган знал эту мою привычку. Иногда он просто смотрел на меня и спрашивал:

— Лекс, ты сейчас мне правду говоришь или опять делаешь вид, что всё нормально?

Я обычно закатывала глаза.

— Да нормально всё.

— Угу. Я так и понял.

И всё. Он не всегда продолжал расспрашивать. Иногда просто притягивал меня к себе, обнимал и позволял молчать столько, сколько мне было нужно.

Рядом с ним мне не обязательно было объяснять, почему я вдруг стала тихой или почему улыбка исчезла с лица. Он не требовал, чтобы я постоянно была сильной.

Наверное, именно поэтому сейчас мне было так тяжело.

Я могла сколько угодно убеждать родителей, что со мной всё будет хорошо. Могла улыбаться детям, собирать вещи, отвечать на вопросы и делать вид, что контролирую происходящее.

Но рядом больше не было человека, который посмотрел бы на меня и безошибочно понял: я боюсь.

И впервые мне было некому сказать, что я совсем не уверена в том, что делаю.

Глубокий ночью, когда я приехала на пункт сбора, вокруг уже были люди.

Кто-то разговаривал, кто-то проверял документы, кто-то

шутил, пытаясь разрядить напряжение. Я услышала обрывок разговора и невольно усмехнулась.

— Ну что, народ, готовы к приключениям? — бросила я, подходя ближе.

Несколько человек засмеялись.

— Ты так говоришь, будто мы на экскурсию едем, — отозвался кто-то.

— А что? Чемоданы собрали, билеты есть. Осталось только экскурсовода найти.

Я рассмеялась вместе со всеми.

Мой смех звучал легко и естественно. Я не переигрывала, не пыталась привлечь внимание. Просто поддерживала разговор, задавала вопросы, шутила, слушала чужие истории. Если кто-то спрашивал, как я себя чувствую, отвечала, что всё отлично.

И мне верили. Конечно, верили. Люди видели перед собой девушку, которая спокойно держится, уверенно говорит и не выглядит так, будто собирается каждую минуту сорваться. Они не знали, что ещё два часа назад я сидела на холодном балконе и плакала, вспоминая, как маленькая дочка обнимает меня перед сном. Не знали, как сильно я боялась уехать.

Я могла бы сказать, что мне тяжело. Что я волнуюсь. Что мне страшно оставить детей и что я не уверена, смогу ли выдержать всё, что ждёт впереди. Но я не сказала.

Вместо этого я шутила, улыбалась и смеялась в нужных местах. Я умела делать это настолько убедительно, что никто

даже не пытался заглянуть глубже. А может, никто и не должен был.

Я сама не хотела, чтобы кто-то увидел меня настоящую. Потому что стоило бы кому-нибудь спросить: «Лекс, ты точно в порядке?» — и я не была уверена, что смогла бы ответить. Поэтому я продолжала играть.

И чем убедительнее получался этот спектакль, тем крепче становилась моя маска.

Я могла быть сильной для всех остальных. Оставалось только надеяться, что однажды мне не придётся доказывать эту силу самой себе.

Глава 2

Эшелон

День первый

На сборном пункте недалеко от вагона пахло мокрой одеждой, кофе из

автомата и чем-то металлическим.

Я стояла со своей сумкой у стены и наблюдала, как люди снуют туда-сюда.

Кто-то сверял документы, кто-то ругался из-за неправильно заполненных

бумаг, кто-то уже успел найти себе компанию и теперь громко обсуждал

предстоящую дорогу.

Я проверила документы в третий раз.Паспорт. Бумаги. Телефон. Зарядка.

Вроде всё.

Я расстегнула сумку и проверила ещё раз.

— Если ты будешь так часто проверять вещи, к прибытию у тебя

документы сотрутся,

— раздался рядом мужской голос.

Я подняла голову. Незнакомый парень смотрел на меня с лёгкой усмешкой.

— А если я их не проверю, они сами куда-нибудь сбегут,

— ответила я.

Он рассмеялся.

— Понял. С тобой лучше не спорить.

— Правильный вывод. Быстро учишься.

Он протянул руку, представился. Я ответила тем же, но имя почти сразу

вылетело из головы. Слишком много новых лиц, слишком много шума и

слишком мало сна.

Впрочем, это было неважно. Мы ещё успеем познакомиться. Или не

успеем. Я поймала себя на этой мысли и мысленно дала себе

подзатыльник.

Хватит.Я приехала сюда не для того, чтобы стоять и придумывать, что может

пойти не так. У меня была цель. Я собиралась найти мужа, пройти службу

и доказать хотя бы самой себе, что способна сделать то, о чём мечтала

столько лет.

Остальное потом.

— Так, народ! Собираемся, проверяем документы и идём организованно!

— раздалась команда.

Разговоры постепенно стихли. Люди подхватили сумки,

застегнули куртки
и потянулись к выходу.

Я закинула свою на плечо. Она показалась тяжелее, чем была ещё утром.

Наверное, потому, что теперь я понимала: обратно с ней домой я сегодня
не пойду.

До эшелона мы добирались группой.

Когда показались наши вагоны, я невольно замедлила шаг.

Я представляла себе этот момент иначе. Не то чтобы я ожидала чего-то
торжественного, но в голове всё выглядело более определённо: вот я
приезжаю, получаю экипировку, сажусь в поезд и отправляюсь навстречу
своей цели.

На деле передо мной стоял обычный поезд. Металлические борта,
открытые двери, люди с сумками, чьи-то голоса и команды, которые
терялись в общем шуме. Никакой музыки. Никакого особенного момента.

Просто поезд, в который мне предстояло сесть.

— Лекс, ты чего встала? — окликнул меня один из ребят.

Я моргнула и посмотрела на него.

— Любу́юсь. Не каждый день такая красота.

— Ну всё, фотографировать будешь?— Обязательно. На память. Подпись сделаю: «Момент, когда я поняла, что

могла выбрать отпуск».

Он фыркнул.

Я улыбнулась и пошла дальше. Только вот шутка почему-то не принесла

облегчения.

У вагона проверяли документы. Я предъявила свои, дождалась разрешения

и поднялась по ступенькам.

Внутри было тесно и душно. Кто-то уже занял места, кто-то пытался

протиснуться между сумками, кто-то выяснял, кому куда положить вещи.

Я нашла свое место, устроила сумку и села на нижнюю полку. Несколько

секунд просто смотрела перед собой.

Вот и всё. Я уехала.

Не было объятий на прощание. Не было последних слов, которые можно

было бы потом вспоминать. Мама не знала, что я уже в пути. Папа не знал,

куда именно я направляюсь. Дети спали, когда я в последний раз смотрела

на них. Я не попрощалась с ними по-настоящему. И те-

перь это нельзя
было исправить одним звонком.

Я достала телефон. На экране по-прежнему не было сообщения от Цыгана.

Я открыла нашу переписку, задержала палец над строкой ввода и почти
сразу заблокировала экран.

Нет. Не сейчас.

Я убрала телефон и заставила себя посмотреть на попутчиков.

Если я продолжу сидеть и думать о доме, то так и проведу всю дорогу, не
заметив ничего вокруг.

А мне нужно было привыкать.

К новым людям. К новой обстановке. К мысли, что теперь моя жизнь будет
выглядеть совсем иначе.

Поезд дёрнулся.

Кто-то выругался. Сверху съехала чья-то сумка. В соседнем ряду
засмеялись.

Я ухватилась за край полки и выдохнула. Эшелон тронулся. И вместе с
ним началась моя новая жизнь. По крайней мере, я очень хотела в это
верить.День второй

Первую ночь я почти не спала. В вагоне постоянно кто-то двигался,

шуршал пакетами, переворачивался на полке или тихо разговаривал.

Металлический стук колёс постепенно слился в однообразный гул, но

стоило мне начать проваливаться в сон, как кто-нибудь обязательно будил

меня случайным движением.

Я лежала, глядя в темноту. Телефон лежал рядом. Я брала его в руки чаще,

чем хотела признавать. Проверяла сообщения, смотрела на время, снова

открывала переписку с мужем.

Ничего.

В какой-то момент я даже разозлилась на себя. Что я собиралась увидеть?

Его сообщение? Пропущенный звонок? Объяснение, почему три месяца он

не мог связаться со мной?

Я знала, что ничего не изменится от того, сколько раз я посмотрю на экран.

И всё равно смотрела.

Утром вагон постепенно ожил. Кто-то искал воду, кто-то пытался привести

себя в порядок, кто-то громко жаловался на сон и обещал

больше никогда
не ездить на поездах.
— Я всё понял,
— заявил парень напротив, потирая лицо.
— В следующий
раз только самолёт.
— Конечно,
— отозвалась я.
— А лучше личный вертолёт. С поваром и
массажистом.
— Вот! Наконец-то человек понимает мои потребности.
— Я много чего понимаю. Особенно когда речь о еде.
Мы засмеялись.
На какое-то время стало легче. Потом разговоры перешли на обычные
вещи: кто откуда приехал, у кого какая семья, кто раньше служил, а кто,
как и я, только начинал свой путь. Некоторые рассказывали о себе охотно,другие отмалчивались. Я тоже не спешила выкладывать всё, что у меня
было на душе. На вопрос, почему я решила подписать контракт, ответила
просто:
— Давно хотела служить.
Это была правда. Просто не вся.
Я не сказала, о тех трёх месяцах что жила между надеждой

и

неизвестностью. Не сказала, что каждое утро начиналось с проверки

телефона. Не сказала, что где-то там, среди людей, о которых я ничего не

знала, мог находиться мой муж. Мне не хотелось превращать знакомство в

исповедь.

К обеду я уже знала, у кого постоянно разряжается телефон, кто умудрился

забыть часть вещей и кто шутит громче всех, когда ему самому не по себе.

Я начала различать голоса, лица, привычки. И впервые за долгое время

поймала себя на том, что несколько минут не думаю о Цыгане. Всего

несколько минут.

Но даже это было похоже на передышку.

Вечером я снова открыла переписку.

Большой палец замер над экраном.

«Ты где?»

Я напечатала сообщение и долго смотрела на него. Потом стёрла.

Я уже спрашивала себя об этом сотни раз. И не могла придумать ни одного

ответа, который сделал бы ожидание легче. Я положила

телефон рядом и
отвернулась к стене.
— Ну что, Лекс,
— тихо сказала я самой себе.
— Первый день пережила.
В ответ грохнули колёса на стыке рельсов.
— Уже неплохо.
Я закрыла глаза. На этот раз уснула быстрее.День третий
К третьему дню поезд перестал казаться чужим.
Я уже знала, где лежат мои вещи, куда поставить кружку, когда лучше
попытаться уснуть и в какой момент кто-нибудь обязательно начнёт
рассказывать очередную историю.
Мы понемногу привыкали друг к другу. Кто-то делился едой, кто-то
предлагал зарядку, кто-то спорил о музыке. Временами разговоры
становились неожиданно серьёзными, но чаще всё снова скатывалось к
шуткам.
Я тоже участвовала. Мне нравилось, что никто здесь не знал меня
прежнюю. Никто не помнил, как я выглядела дома, как укладывала детей
спать, как могла часами ждать сообщения от человека, ко-

торого любила.

Здесь я была просто Лекс.

Девушка с острым языком, тяжёлой сумкой и привычкой отвечать шуткой на любой неудобный вопрос. Иногда мне казалось, что я наконец могу дышать. А иногда поезд затихал на очередной остановке, и вместе с тишиной возвращались мысли.

О доме. О детях. О том, что мама, наверное, уже собиралась спросить, когда я доберусь до Москвы. Что папа мог позвонить, чтобы уточнить, всё ли в порядке. Что дети проснутся, побегут искать меня и не сразу поймут, почему меня нет.

Я старалась не представлять этого слишком подробно. Но мысли не спрашивали разрешения. В один из таких моментов я достала фотографию, которую сохранила на телефоне. На ней сын смеялся, а дочка сидела рядом с ним, серьёзная и недовольная тем, что брат забрал её игрушку.

Я невольно улыбнулась.

— Скучаешь? — спросили рядом.

Я подняла голову. Один из попутчиков смотрел на экран без любопытства,

просто заметил, что я давно молчу.— По детям,

— ответила я.

— Маленькие?

— Совсем.

Он кивнул и не стал расспрашивать. И за это я была ему благодарна.

Я убрала телефон, потёрла лицо ладонями и выдохнула.

— Ладно. Хватит грустить. А то ещё решат, что я приличный человек.

— А ты нет?

— Я стараюсь не распространяться на эту тему.

Он рассмеялся. Я тоже.

И впервые за эти дни смех получился почти настоящим.

Ночью мне приснился дом. Ничего особенного не происходило. Я просто

сидела на диване, а дочка лежала у меня на животе. Сын что-то

рассказывал, размахивая руками, и я никак не могла разобрать его слова,

потому что он смеялся.

Я проснулась от шума колёс.

Несколько секунд не понимала, где нахожусь. Потом всё вспомнила. Я

закрыла глаза и прижала ладонь к груди, словно могла удержать остаток
сна.
— Ещё немного,
— прошептала я.
— Потерпи ещё немного.
Не знала только, кому именно это говорила.
Себе или им.Четвёртый день.
Поезд начал замедляться.
В вагоне сразу стало шумнее. Кто-то полез за сумкой, кто-то принялся
искать документы, а кто-то уже стоял у выхода, будто боялся, что поезд
остановится и уедет без него.
Я тоже поднялась, сняла сумку и поправила лямку на плече.
Четыре дня. Четыре дня дороги, почти бессонных ночей, чужих разговоров
и бесконечного стука колёс. И теперь я наконец была близко. Я знала, где
он находится. Знала, куда меня направляют. Знала, что после прибытия
смогу увидеть его.
Цыган.
Я повторила его позывной про себя, и сердце предательски ускорилось.

Мне хотелось смеяться от облегчения. Хотелось разреветься. Хотелось

немедленно оказаться рядом с ним, вцепиться в его куртку и высказать всё,

что накопилось за эти три месяца.

За молчание. За неизвестность. За каждое утро, когда я просыпалась и

первым делом хваталась за телефон. За каждую ночь, когда убеждала себя,

что с ним всё нормально, хотя не имела ни единого доказательства. И за то,

что я всё-таки приехала. Вопреки его словам. Вопреки собственному

страху. Вопреки обещанию, которого никогда не произносила вслух, но

которое всё это время жило у меня в голове.

Я достала телефон и открыла нашу переписку. Палец замер над строкой

ввода. «Я уже близко».

Я отправила сообщение, хотя прекрасно понимала, что он может не

увидеть его сразу.

Потом убрала телефон.

— Ну что, Лекс? — окликнул меня кто-то из попутчиков.

— Готова?

Я посмотрела на него и усмехнулась.

— А у меня есть выбор?

— Вообще-то нет.— Тогда чего спрашиваешь?

Он рассмеялся, и я улыбнулась в ответ. Только теперь моя улыбка была

другой. Впервые за четыре дня я думала не о том, что оставила позади, а о

том, кто ждёт меня впереди. Я представляла, как увижу его. Как сначала,

наверное, просто остановлюсь и буду смотреть, убеждаясь, что он

действительно передо мной. Как он посмотрит на меня своим привычным

взглядом — тем самым, от которого мне никогда не удавалось долго

скрывать правду.

И я уже знала, что первым делом он спросит:

«Лекс, ты совсем с ума сошла?»

Я даже мысленно услышала его голос. И впервые за долгое время

рассмеялась по-настоящему.

— Вот и посмотрим, коть,

— прошептала я.

Поезд остановился.

Я перехватила сумку, глубоко вдохнула и направилась к выходу. Я ехала к

мужу. И пока ещё верила, что самое страшное осталось

позади.

Встреча с мужем.

На позиции шёл обычный день. Кто-то разговаривал, кто-то занимался

своими делами, кто-то пытался урвать несколько минут отдыха. Ничего не

предвещало того, что через секунду здесь начнётся настоящий переполох.

Цыган не сразу обратил внимание на прибывших. Он услышал голоса,

повернул голову и уже собирался вернуться к своим делам, когда взгляд

зацепился за знакомую фигуру.

Девушка в военной форме, с вещами. Стояла чуть поодаль и о чём-то

разговаривала с одним из парней.

Он замер.Сначала не понял, что именно его так зацепило. Просто смотрел,

хмурился, пытался осознать, почему незнакомая, казалось бы, девушка

вызывает у него такое странное чувство.

А потом она повернула голову. И он увидел её глаза.Эти глаза он узнал бы

где угодно.

— Малыш?..

— тихо выдохнул он.

Она посмотрела на него.

И улыбнулась.

— Привет, коть.

На несколько секунд Цыган будто перестал дышать.

Лекс.

Его Лекс.

Здесь.

На позиции.

В форме.

Не дома с детьми, не в безопасности, не там, где он оставил её четыре

месяца назад.

Здесь.

— ТЫ ЧТО ЗДЕСЬ ДЕЛАЕШЬ?!Его голос разнёсся по позиции так громко, что несколько человек

обернулись одновременно.

Я даже не вздрогнула. Только чуть приподняла брови, словно передо мной

был не разъярённый муж, а человек, который снова собирался читать мне

давно знакомую лекцию.

— Коть, ну…

— КАКОЙ ЕЩЁ «КОТЬ»?! Я ТЕБЯ СПРАШИВАЮ, ТЫ ЧТО ЗДЕСЬ

ДЕЛАЕШЬ?!

Парни начали выглядывать из укрытий и выходить нару-

жу. Кто-то

выглянул из-за двери, кто-то остановился с кружкой в руке. По голосу

Цыгана было понятно: произошло что-то серьёзное.

— Да что там у него? — послышалось откуда-то сбоку.

— Не знаю. Но, судя по всему, сейчас кому-то достанется.

Цыган их даже не замечал. Он смотрел только на меня.

— Ты вообще головой думала?! — продолжал он, приближаясь к ней.

— Я

тебе сколько раз говорил, что здесь?! Сколько раз я тебя отговаривал?!

Малыш, ты… Ты…

Он не закончил. Потому что слова вдруг перестали складываться в

предложения.

Я стояла перед ним.

Его жена.

Та самая, о которой он думал каждую ночь. Та, за которую переживал даже

тогда, когда заставлял себя не думать о доме. Та, которую он хотел видеть

рядом с собой, но только не здесь. Только не в месте, где каждую минуту

ему приходилось бояться не только за собственную жизнь.

А я приехала сама. И теперь он не знал, что ему делать с

этим страхом,

который за секунду превратился в злость.

— Ты хоть понимаешь, куда приехала?! — выкрикнул он.

— Понимаю, коть.

— НИЧЕГО ТЫ НЕ ПОНИМАЕШЬ!

Парни уже собрались неподалёку. Они переглядывались, пытаясь

разобраться, кто эта девушка и почему Цыган кричит на неё так, будто мир

сейчас рухнет. Но никто не решался вмешиваться.

Она продолжала смотреть на мужа. Ее улыбка постепенно становилась всё

тише, но она не отводила глаз.

— Я приехала к тебе,

— произнесла она.И это оказалось последней каплей.

Цыган резко сорвался с места.

За несколько быстрых шагов оказался возле неё, подхватил её на руки и

прижал к себе так крепко, словно пытался закрыть собой от всего мира.

Лекс ахнула от неожиданности и тут же обхватила его руками за шею.

Он прижал её ещё сильнее. Настолько, насколько вообще мог. Уткнулся

лицом в её волосы, крепко зажмурился и несколько секунд просто стоял,

не произнося ни слова.

Вся его ярость куда-то провалилась, оставив после себя только огромную,

почти болезненную потребность держать её рядом.

Он чувствовал её руки на своей шее. Чувствовал, как она прижимается к

нему. Слышал её дыхание.

Она действительно была здесь.

Не фотография на экране телефона. Не голос в сообщениях. Не образ,

который он представлял себе перед сном.

Его малыш.

Живая.

Рядом.

— Господи…

— выдохнул он ей в волосы.

Лекс крепче обняла его.

— Коть…

— Молчи секунду. Просто… помолчи, малыш.

Его голос уже не кричал. Теперь в нём слышалось совсем другое.

Он не отпускал её, даже когда парни вокруг окончательно замолчали,

наблюдая за ними.

Кто-то удивлённо приподнял брови. Кто-то переглянулся с товарищем. А

кто-то, кажется, уже начал понимать, кто именно приехал к Цыгану и

почему он едва не сорвал голос.

Лекс спрятала лицо у него на шее.Она так долго представляла эту встречу, что теперь, когда наконец

оказалась в его руках, не могла подобрать ни одного слова.

Цыган немного отстранился, чтобы посмотреть ей в лицо. Его ладони

легли ей на щёки, взгляд быстро пробежал по её лицу, словно он проверял,

всё ли с ней в порядке.Потом он снова прижал её к себе, накрыл ее губы

своими. Они слились в поцелуе, не обращая внимание на окружающих

парней.

— Дура моя…

— прошептал он хрипло.

Лекс тихо рассмеялась ему в шею.

— Твоя же, коть.

Он на мгновение прикрыл глаза.

— Вот именно. Моя.

И снова обнял её.

А парни всё ещё стояли вокруг, не зная, стоит ли им уйти и сделать вид,

что они ничего не видели, или дождаться объяснений.

Но Цыгану было плевать. В эту минуту для него существо-

вала только она.

Четыре месяца он не мог обнять свою жену. Три месяца не мог сказать ей

что он в порядке

И теперь, когда она наконец оказалась рядом, он не собирался отпускать её

раньше, чем сам сможет снова нормально дышать.

Цыган всё ещё держал её на руках, прижимая к себе так крепко, будто

боялся, что кто-нибудь сейчас подойдёт и заберёт её у него.

Лекс обвила руками его шею и улыбнулась, прижимаясь щекой к его щеке.

— Ну что ты орёшь, коть? — тихонько рассмеялась она.

— Я же приехала

к тебе, а не к чужому мужику.

— Малыш, я тебе сейчас…

— Он осёкся и только сильнее прижал её к

себе.

— Что? — Она заглянула ему в глаза.

— Что ты мне сейчас?

Он посмотрел на неё так, что улыбка на её губах стала мягче.

— Я тебя сейчас больше никуда не отпущу.— Ну, это мы ещё посмотрим,

— попыталась пошутить она.

Цыган покачал головой, не веря, что она действительно стоит здесь, в его

руках, и ещё умудряется над ним подшучивать.

— Господи, ты невозможная женщина.

— Зато любимая.

— К сожалению,

— буркнул он, целуя её в лоб.

— Эй!

— Что «эй»?

— Ты вообще-то должен был сказать «к счастью».

— Не спорь со мной, малыш.

Она рассмеялась и снова обняла его за шею.

Со стороны могло показаться, что всё хорошо. Что они просто встретились

после долгой разлуки, что Лекс счастлива, Цыган наконец-то дождался

жену, а его громкие крики остались позади.

Но потом он перестал говорить.

Просто прижал её к себе и уткнулся лицом в её волосы.

И вот тогда Лекс почувствовала, как сильно он дрожит от сдерживаемых

эмоций.

Не от холода.

Не от усталости.

Он просто слишком сильно испугался за неё.

Она медленно провела ладонью по его затылку.

— Коть… я здесь.

Он ничего не ответил.Только обнял крепче.

И в этой тишине, среди чужих взглядов, голосов и привычного шума

позиции, Лекс вдруг поняла, что больше не может улыбаться.

Все эти месяцы она держалась.

Дома — ради детей и родителей.

В дороге — ради себя.

Здесь, перед парнями,

— ради своей гордости, ради желания показать, что

она справится.

Она так долго убеждала всех, что сильная, что почти сама поверила в это.

Но сейчас Цыган держал её на руках, и ей больше не нужно было никому

ничего доказывать.

Первой скатилась всего одна слеза.

Она незаметно коснулась его шеи.

Потом вторая. Лекс попыталась вдохнуть поглубже, но дыхание

предательски дрогнуло. Она сильнее уткнулась лицом в его плечо, надеясь,

что он не заметит.

Но он заметил.

Конечно, заметил.

Цыган чуть отстранился.

— Малыш?

— Всё хорошо, коть,

— быстро прошептала она, пытаясь улыбнуться.

Он посмотрел ей в глаза.

И увидел, как по её щекам уже текут слёзы.

— Эй… эй, моя хорошая.

Лекс мотнула головой, словно хотела сказать, что ничего страшного не

произошло, что она просто устала, что всё нормально.

Но вместо слов из груди вырвался тихий, надломленный всхлип.

И она снова прижалась к нему.— Я так скучала, коть…

Цыган замер.

Потом осторожно положил ладонь ей на затылок и прижал к себе,

закрывая от любопытных взглядов.

— Знаю, малыш. Знаю…

— Я очень скучала.

— Я тоже, родная. Очень.

Он больше не ругался. Не спрашивал, зачем она приехала. Не пытался

объяснить, насколько сильно испугался. Он просто держал её, пока она

плакала у него на плече, и время от времени целовал в волосы.

А парни, которые ещё недавно с любопытством наблюдали за
происходящим, постепенно начали расходиться.
Потому что даже им стало понятно: сейчас им лучше оставить этих двоих
наедине.
И впервые за долгое время Лекс позволила себе быть не сильной. Просто
женой, которая наконец-то дождалась объятий своего мужа.
Знакомьтесь, это моя жена
Постепенно позиция возвращалась к привычной жизни.
Парни разошлись по своим делам, но любопытство никуда не исчезло.
Некоторые то и дело поглядывали в сторону Цыгана, который всё ещё
держал девушку рядом с собой.
Лекс уже перестала плакать. Она вытерла щёки, поправила волосы и
теперь стояла возле мужа, обнимая его за талию. Цыган одной рукой
придерживал её за плечи, словно даже сейчас не собирался отпускать
далеко.
— Ну что, полегчало? — тихо спросил он, наклонившись к ней.— Угу, коть.

— Врёшь.

— Сам врёшь.

Он посмотрел на неё с таким выражением, что она снова улыбнулась.

— Вот ведь зараза,

— пробормотал он и поцеловал её в висок.

— Любимая зараза.

— Самая любимая,

— выдохнул он, почти незаметно улыбнувшись.

Именно в этот момент за его спиной кто-то громко фыркнул.

Агат.Я заметила его ещё раньше: он стоял неподалёку, скрестив руки на груди, и

с таким интересом наблюдал за нами, будто ему бесплатно показывали

лучший сериал года.

— Брат,

— наконец протянул он,

— я, конечно, многое повидал, но чтобы

человека сначала чуть не расстреляли взглядом, а потом так обнимали…

Это что-то новенькое.

Цыган медленно повернул к нему голову.

— Агат, иди займись делом.

— Так я и занимаюсь! Наблюдаю за морально-психологическим

состоянием личного состава.

— Сейчас я тебе это состояние поправлю.

— Вот! — Агат ткнул пальцем в нашу сторону.

— Опять угрожает! А

девушка только приехала!

Я рассмеялась, всё ещё прижимаясь к Цыгану.

Он посмотрел на меня, покачал головой и поцеловал в лоб.

— Ты хоть понимаешь, что ты со мной делаешь?

— Конечно, коть. Любовь творит чудеса.

— Это не чудеса. Это стихийное бедствие.

— Зато твоё любимое.

— К сожалению, да,

— пробормотал он и снова обнял меня.

— Так, стоп! — Агат поднял ладонь.

— Я ничего не понял. Давайте по

порядку. Кто это у нас такая, из-за которой Цыган только что чуть всю

позицию на уши не поставил?

Цыган наконец повернулся к остальным, но отпускать меня даже не

подумал. Я так и осталась у него на руках, обняв за шею.

Он посмотрел на собравшихся бойцов и тяжело вздохнул.

— Знакомьтесь, парни. Это моя жена. Лекс.

На несколько секунд повисла тишина.— ЖЕНА?! — почти хором переспросили несколько человек.

Я помахала им рукой.

— Всем привет!

— Погоди,

— Агат нахмурился.

— Так ты не просто так на неё орал?

Цыган посмотрел на него так, будто тот только что задал самый глупый

вопрос в своей жизни.

— Агат, у меня жена четыре месяца дома была. У нас двое маленьких

детей. Сыну два с половиной года, дочке полтора года. Дома её родители,

дети… А она взяла и приехала сюда.

Он ненадолго замолчал, крепче прижимая меня к себе.

— Я её сколько раз отговаривал. Сколько раз объяснял, что здесь не место

для неё. Я не потому орал, что не рад её видеть,

— добавил он уже тише.

— Я испугался за неё. Понимаете? Это моя жена. Я её люблю. И меньше

всего на свете хочу, чтобы с ней что-нибудь случилось. На этот раз никто

не засмеялся.

Даже Агат ненадолго притих. В глазах парней появилось понимание: они

услышали не просто сердитого мужа, который ругается на

жену. Они

увидели человека, который четыре месяца жил в неизвестности, а теперь

внезапно получил рядом самое дорогое — и одновременно испугался за

него сильнее, чем когда-либо.

Я нежно провела ладонью по щеке Цыгана.

— Коть, я понимаю.

— Нет, малыш. Ты не понимаешь, как я испугался, когда тебя увидел.

— Тогда объяснишь мне потом. Хорошо?

Он посмотрел мне в глаза, тяжело выдохнул и кивнул.— Потом.

Я улыбнулась и поцеловала его в щёку.

— А сейчас обними меня ещё раз.

— Я тебя уже не отпускаю.

— Вот и умничка.

— Вы это видели?! — возмутился Агат.

— Она приехала пять минут назад,

а он уже выполняет приказы!

— Агат,

— спокойно сказал Цыган,

— ты хочешь жить?

— Вообще-то да.

— Тогда помолчи.

— Всё, понял. Семейная территория. Чужим вход воспре-

щён.

Я прыснула со смеху.

Агат посмотрел на меня, прищурился, затем перевёл взгляд на Цыгана. И

вдруг его лицо озарила такая хитрая улыбка, что я сразу поняла: сейчас он

что-нибудь выдаст.

— А-а-а-а… Цыган!

— Что ещё?

— Да я теперь понял, почему ты так орал!

Цыган подозрительно сузил глаза.

— И почему же?Анат многозначительно посмотрел на меня, потом на него.

— Ты же не просто жену увидел. Она, небось, приехала супружеский долг

взыскивать!

На секунду воцарилась тишина.

А потом кто-то сдавленно хрюкнул.

Другой отвернулся, прикрывая лицо ладонью. Третий вообще согнулся

пополам.

Я медленно повернула голову к мужу.

— Коть…

— Нет,

— сразу предупредил он.

— А у тебя, оказывается, долги имеются?

— Малыш, даже не вздумай.

Я прижала ладонь к груди и сделала самые невинные глаза.

— Да я ничего! Я просто интересуюсь финансовым положением семьи.

Агат хлопнул себя по колену.

— Вот! Вот это я понимаю! Женщина приехала не с пустыми руками, а с

конкретными требованиями! Четвре месяца мужик тут пропадает, жена

дома ждёт, потом сама лично приезжает! Видать, терпение закончилось.

Пришла взыскивать задолженность с процентами!

— Агат, я тебя сейчас закопаю,

— совершенно спокойно пообещал Цыган.

— За что?! — возмутился тот.

— Я же переживаю за семейный бюджет!— Переживай молча.

— Не могу! Ситуация серьёзная! Тут, возможно, накопились пени,

штрафы, моральный ущерб!

Я уже не могла остановиться. Смех вырывался сам собой, и я уткнулась

лицом в плечо Цыгана, чтобы хоть немного отдышаться.

Муж обнял меня крепче, но по его лицу было видно, что терпение у него

стремительно заканчивается.

— Малыш, не смей его поддерживать.

— Я не поддерживаю, коть! Я просто смеюсь.

— Очень убедительно.

— Агпт, ты главное не завидуй,

— выдала я, поднимая голову.

— У

каждого свои семейные проблемы.

Парни взорвались новым хохотом.

Агат замер медленно приложил руку к груди, изображая смертельно

раненного.

— Всё. Всё, я понял. Меня здесь не уважают. Я, значит, переживаю за

товарища, пытаюсь помочь человеку разобраться с семейными финансами,

а меня ещё и завистником называют!

— Агат,

— Цыган посмотрел на него с подозрительным спокойствием,

—

ты сейчас сам остановишься или мне тебе помочь?

— Да что ты мне сделаешь? При жене-то? — Он расплылся в широкой

улыбке.

— Лекс, ты же не позволишь ему обижать беззащитного

человека?

Я подняла голову с плеча мужа и задумчиво посмотрела на Агата.— Смотря насколько большой у него долг.

Позиция взорвалась смехом. Кто-то присвистнул, кто-то хлопнул Агата по

плечу, а один из парней даже отошёл в сторону, явно опасаясь, что сейчас

начнётся новая серия представления.

Цыган медленно повернул ко мне голову.

— Малыш.

— Что, коть?

— Ты на чьей стороне?

Я обняла его за шею и чмокнула в щёку.

— На твоей, конечно.

— Ага. Я заметил.

— Просто я считаю, что финансовые вопросы нужно решать честно.

— Малыш,

— предупредил он.

— Всё-всё. Больше ни слова.

Я послушно прижалась к нему, но улыбку спрятать так и не смогла.

Агат тем временем, окончательно уверовав в собственную неуязвимость,

развёл руками.

— Ну вот! Теперь вы понимаете, парни? Человек четвре

месяца молчал о

своей семейной жизни, а тут жена приехала — и сразу выяснилось, что у

него не только семья, но и задолженность!

— Я тебе сейчас такую задолженность оформлю,

— пообещал Цыган,

—

что ты до конца службы расплачиваться будешь.— Чем? — невозмутимо уточнил Анат.

— У меня ничего нет.

— Вот и отлично. Хоть взыскивать будет нечего.

Я снова рассмеялась и спрятала лицо у мужа на плече. И именно тогда

Цыган вдруг перестал улыбаться. Не резко. Просто его рука, лежавшая у

меня на спине, чуть крепче прижала меня к себе. Он опустил голову,

коснулся губами моих волос и на несколько секунд замер.

Я почувствовала это сразу.

— Коть? — тихо позвала я.

— М?

— Ты чего?

— Ничего, малыш.

Я отстранилась настолько, насколько позволяли его руки, и посмотрела

ему в лицо.

— Врёшь.

Он невесело усмехнулся.

— Сама-то у нас никогда не врёт.

— Я хотя бы делаю это красиво.

— Да уж. Особенно когда приезжаешь на позицию с двумя детьми дома и

думаешь, что я встречу тебя с цветами.

— А цветы где? — тут же спросила я.

— Малыш!— Всё, молчу!

Агат снова захохотал.

— Цыган, да ты попал! Всё, брат, теперь тебе точно покоя не видать. Она

же тебя по всем статьям обошла!

— Агат, иди отсюда.

— Уже ухожу! Не буду мешать взысканию долга!

Он попятился, продолжая улыбаться, и крикнул остальным:

— Парни, расходимся! У человека семейное воссоединение и финансовая

проверка!

— Агпт!

— Всё-всё! Меня здесь нет!

Он наконец скрылся за ближайшим укрытием, но его смех ещё какое-то

время доносился оттуда.

Постепенно остальные тоже разошлись. Кто-то успел бро-

сить нам пару

шуток, кто-то просто кивнул мне на прощание. Я улыбалась в ответ,

стараясь запомнить лица, хотя пока не могла даже толком разобрать, кто

есть кто.

Когда вокруг стало тише, Цыган наконец немного ослабил объятия.

Но только немного.

— Так,

— сказал он, глядя на меня уже совсем другим взглядом.

— А

теперь пойдём.

— Куда?— В блиндаж.

— Зачем?

Он приподнял бровь.

— Лекс, ты сейчас серьёзно?

— А что? Мне интересно.

— Тебе, я смотрю, вообще всё интересно.

— Ну, я же новенькая.

Цыган прикрыл глаза, будто собирался с терпением.

— Господи, дай мне сил.

Я ласково провела пальцами по его щеке.

— Ты справишься, коть. Ты сильный.

— С тобой мне никакой силы не хватит.

— Зато любви хватит.

Он посмотрел на меня. На этот раз без попытки скрыть улыбку.

— Иди сюда, моя катастрофа.

Он притянул меня к себе и поцеловал в лоб. Я закрыла глаза, чувствуя, как

внутри наконец становится спокойно.

Вот он.

Мой муж.Рядом.

Я так долго представляла себе эту встречу, что порой боялась: вдруг

реальность окажется совсем другой? Вдруг я не смогу ничего сказать?

Вдруг он оттолкнёт меня, разозлится настолько, что даже смотреть не

захочет?

Но он держал меня за руку, большим пальцем поглаживая костяшки, и

время от времени поглядывал на меня, словно всё ещё проверял, не

исчезла ли я.

И я улыбалась ему в ответ.

Потому что сейчас мне хотелось только одного — побыть рядом с ним.

Хотя бы немного.

Без расстояния между нами.

Без экрана телефона.

Без этих трёх месяцев, которые казались бесконечными.

Цыган переплёл свои пальцы с моими и потянул за собой.

— Пойдём, малыш.

— Иду, коть.

Я подхватила свои вещи, но он тут же забрал их у меня.

— Сам понесу.

— Коть, они не тяжёлые.

— Я сказал, сам.Я закатила глаза.

— Ну вот. Началось.

— Что началось?

— Забота по расписанию.

Он посмотрел на меня через плечо.

— Привыкай. Теперь я тебя с глаз не спущу.

Я улыбнулась и пошла следом, крепко держа его за свободную руку.

И всё-таки где-то глубоко внутри я понимала: самое трудное ещё впереди.

Потому что Цыган пока только радовался, что я рядом.

А вот когда он останется со мной наедине и поймёт, что я действительно

приехала сюда не в гости, а служить…

Вот тогда и начнётся настоящий разговор.

— Коть, а ты чего такой серьёзный? — спросила я, шагая рядом с мужем.

— Я серьёзный?

— Ну да. Ещё немного — и земля под ногами начнёт трес-

каться.

— Малыш, не провоцируй меня.

— Да я вообще молчу!

Он остановился и посмотрел на меня.Я посмотрела на него.

Несколько секунд мы молчали.

— Ты издеваешься? — наконец спросил Цыган.

— Немножечко, коть.

Он тяжело вздохнул, перехватил мои вещи поудобнее и снова пошёл

вперёд.

— Господи, три месяца. Три месяца я тут переживал, думал, как ты там,

как дети, а она приехала и первым делом решила проверить мою нервную

систему.

— Зато теперь тебе не будет скучно!

— Вот именно этого я и боюсь.

Я рассмеялась и догнала его, обняв за свободную руку.

До блиндажа мы добрались довольно быстро. Цыган откинул ткань,

пропуская меня внутрь, и только после этого занёс вещи.

Я огляделась.

Всё было незнакомым, но теперь это место связывало меня с ним. Здесь он

жил последние месяцы. Здесь засыпал, просыпался, раз-

говаривал с
парнями. Здесь ждал новостей из дома.
И мне вдруг стало немного не по себе.
Цыган заметил, как изменилось моё лицо.
— Эй. Ты чего?
Я быстро повернулась к нему и улыбнулась.— Ничего, коть. Осматриваюсь.
Он прищурился, явно не поверив, но спорить пока не стал. Поставил мои
вещи в сторону и подошёл ближе.
— Ну что, малыш,
— произнёс он уже тише.
— А теперь рассказывай.
— Что рассказывать?
— Малыш.
— Коть.
— Не начинай.
Я села на край свободной койки и сложила руки на коленях, изображая
примерное поведение.
— Ну, приехала я…
— Это я уже заметил.
— В форме…
— И это тоже.
— С вещами…
— Лекс!

Я не выдержала и рассмеялась.

Цыган закрыл лицо ладонью.

— Всё. Я понял. Ты решила довести меня до инфаркта.— Не драматизируй, коть. Ты ещё молодой.

— Да после тебя я уже старый.

Он присел передо мной на корточки и взял мои руки в свои. Улыбка

постепенно исчезла с его лица.

— Малыш, посмотри на меня.

Я посмотрела.

— Ты приехала ко мне, я понял. Но ты ведь не собираешься сейчас сказать,

что подписала контракт и остаёшься здесь?

Я замолчала.

И этого оказалось достаточно.

Цыган медленно выпрямился.

— Лекс…

— Коть…

— Только не говори мне, что я правильно понял.

Я опустила глаза на наши сцепленные руки.

— Я подписала контракт.

Тишина.

— И собираюсь служить,

— добавила я, уже тише.

Он отпустил мои руки и отошёл на шаг.

— Ты серьёзно?Я кивнула.

— Да.

Цыган отвернулся, провёл ладонью по лицу и несколько секунд молчал.

А я впервые за всё время не знала, что сказать.

Потому что шутить сейчас не получалось.

— Ты хоть понимаешь, что ты натворила, малыш? — спросил он наконец.

— Понимаю.

— Нет, Лекс. Не понимаешь.

Он снова повернулся ко мне. В его глазах больше не было той растерянной

радости, с которой он встретил меня. Там снова поселился страх.

— Я рад, что ты здесь. Господи, как же я рад, что ты здесь… Но я не могу

радоваться тому, что ты теперь будешь находиться в опасности. Ты моя

жена. У нас дети.

— Я знаю, коть.

— Тогда зачем?

Я сглотнула.

И впервые с момента встречи ответила без улыбки:

— Потому что я больше не могла ждать, когда мне однажды позвонят и

скажут, что тебя нет.

Цыган замер.— Лекс…

— Я каждый день просыпалась и проверяла телефон. Каждый день
надеялась увидеть от тебя хоть одно сообщение. Я не знала, что с тобой,
жив ли ты, здоров ли… Я даже не могла понять, когда мне нужно бояться,
а когда можно просто выдохнуть. Все говорили, что всё нормально, а я
ничего не знала, коть. Совсем ничего.

Голос предательски дрогнул, но я продолжила:

— Я не приехала сюда потому, что считаю себя бессмертной. И не потому,
что мне кажется, будто здесь всё легко. Я просто больше не могла сидеть
дома и ждать неизвестно чего.

Он смотрел на меня, не перебивая.

— Я хотела быть рядом с тобой,
— прошептала я.
— Вот и всё.

Цыган опустил голову.

А я протянула руку и осторожно коснулась его пальцев.

— Коть… я не прошу тебя перестать переживать. Я знаю, что ты будешь
злиться. Наверное, ещё долго. Но я уже здесь.

Он посмотрел на меня и невесело усмехнулся.

— Вот это-то меня и пугает, малыш.

Я поднялась с койки и обняла его.

На этот раз он не отстранился.

Только прижал меня к себе и уткнулся подбородком в мои волосы.

— Дура ты моя,

— тихо произнёс он.Я улыбнулась ему в грудь.

— Твоя же, коть.

— Да знаю я. В этом и проблема.

И я снова рассмеялась.

Потому что даже сейчас, когда разговор только начинался и впереди нас

ждало ещё столько всего, он всё равно оставался моим Цыганом.

Моим котём.

Моим домом.

И я наконец-то была рядом с ним.

Мы ещё какое-то время стояли обнявшись. Я слушала его дыхание,

чувствовала ладонь на своей спине и думала о том, как же сильно мне

всего этого не хватало.

Вот бы остановить время.

Хотя бы на несколько минут.

Чтобы не было ни позиции, ни войны, ни разговоров о том, что мне здесь

нельзя. Чтобы мы просто остались вдвоём, как раньше,

когда самой
большой нашей проблемой было решить, что приготовить на ужин и кто
сегодня будет вставать к детям ночью.
Но Цыган, видимо, решил, что спокойствие в нашей семье и так
продержалось слишком долго.
— Так,
— произнёс он, наконец отстраняясь.
— Садись.
Я удивлённо посмотрела на него.— Зачем?
— Малыш, садись, говорю.
— Коть, ты меня сейчас допрашивать будешь?
— А ты хочешь, чтобы я тебе чай предложил?
Я задумалась.
— Ну, вообще, было бы неплохо.
Он посмотрел на меня долгим взглядом.
— Сядь, пока я добрый.
— Есть, товарищ командир!
Я демонстративно плюхнулась на койку и сложила руки на коленях.
— Слушаю вас внимательно!
Цыган закатил глаза.
— Господи, за что…
— За красивые глаза, коть. За красивые глаза.
Он не выдержал и усмехнулся, но тут же вернул себе се-

рьёзный вид.

— Когда ты решила подписать контракт?

Я перестала улыбаться.

— Не сегодня.— Это я понял. Когда?

— Некоторое время назад.

— Малыш.

— Коть, ну не смотри ты на меня так.

— Как?!

— Как будто сейчас отправишь меня обратно первым же поездом.

Он замолчал.

И я поняла, что попала в точку.

Цыган отвернулся, провёл ладонью по лицу и несколько секунд молчал.

Я смотрела на него и постепенно начинала нервничать.

Вот этого я боялась больше всего.

Не крика. Не ругани. Не даже того, что он скажет, будто я совершила

самую большую ошибку в своей жизни.

Я боялась, что он посмотрит на меня и не поймёт.

Что между нами впервые окажется что-то, чего мы не сможем решить

привычным разговором, объятиями и парой дурацких шуток.

— Я ведь просил тебя, малыш,

— тихо сказал он.

Я опустила глаза.

— Знаю.

— Я не один раз просил.— Знаю, коть.

— Я объяснял тебе, почему не хочу, чтобы ты сюда ехала.

— Помню.

Он повернулся.

— Тогда почему ты меня не послушала?

Я подняла на него глаза.

— Потому что ты просил меня остаться дома, а я не могла там больше
находиться.

— Дома наши дети, малыш!

— Я знаю!

Голос вырвался громче, чем я хотела.

Мы оба замолчали.

Я сжала пальцы, пытаясь успокоиться, и уже тише продолжила:

— Ты думаешь, мне было легко уехать? Думаешь, я не понимала, что
оставляю их? Коть, я каждый раз смотрела на них и думала, что могу
больше никогда не увидеть, как они растут. Что могу пропустить первые
слова, новые привычки, их маленькие глупости… Всё то, что потом уже не
вернёшь.

Я почувствовала, как защипало глаза.

— Но я смотрела на телефон и думала о тебе. Каждый день. Я не знала,

что с тобой. Не знала, когда ты сможешь написать. Не знала, почемумолчишь. И все вокруг повторяли одно и то же: «Всё нормально». А я не

могла даже понять, что это значит!

Цыган молчал.

Я вытерла ладонью щёку, сердясь на собственные слёзы.

— Я не хочу, чтобы ты думал, будто мне плевать на детей. Они для меня…

— Голос сорвался, и я ненадолго закрыла глаза.

— Коть, они вся моя

жизнь. Но и ты моя жизнь. Я не умею просто выключить страх за тебя и

жить так, будто ничего не происходит.

Он медленно подошёл ко мне.

— Малыш…

— Нет, дай договорить.

Он остановился.

Я глубоко вдохнула.

— Я знаю, что ты хотел меня защитить. Знаю, что ты не хотел, чтобы я

через всё это проходила. И я не обвиняю тебя за то, что ты пытался меня

отговорить. Но ты не можешь решить за меня, что я вы-

держу, а что нет.

Последние слова повисли между нами.

Цыган смотрел на меня долго, очень долго.

Потом присел рядом.

— А ты не можешь решить за меня, что я должен спокойно смотреть, как

моя жена приезжает туда, где я каждый день боюсь за собственную жизнь.

Я не нашлась, что ответить.Он взял мою ладонь и переплёл наши пальцы.

— Ты понимаешь, как это выглядит с моей стороны? — спросил он уже

спокойнее.

— Я три месяца думаю, как там вы. Как дети. Как ты

справляешься одна. Успокаиваю себя тем, что ты дома, что у тебя есть

родители, что ты хотя бы в безопасности. А потом ты появляешься передо

мной в форме.

Он коротко усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья.

— Я сначала вообще подумал, что у меня крыша поехала.

Я тихо рассмеялась.

— Ну, немного поехала.

— Малыш.

— Всё, молчу.

Он покачал головой, но уголки его губ дрогнули.

— Вот как с тобой разговаривать?

— Нежно, коть. Я же девочка.

— Ага. Особенно когда устраиваешь мне такие сюрпризы.

Он притянул меня к себе, и я тут же уткнулась носом ему в плечо.

Несколько секунд мы молчали.

Потом я тихо спросила:

— Ты на меня очень сильно злишься?

Он не ответил сразу.Провёл ладонью по моим волосам, убрал прядь с лица и посмотрел мне в

глаза.

— Да, малыш. Злюсь.

Я кивнула, стараясь не показать, как неприятно мне было это услышать.

Но он тут же добавил:

— И рад, что ты здесь. И счастлив, что могу тебя обнять. И одновременно

хочу посадить тебя обратно на поезд и лично проследить, чтобы ты

доехала домой.

Я не выдержала и засмеялась.

— Вот это любовь!

— Не перебивай. Я ещё не закончил.

— Прости, коть.

— Вот. А ещё я теперь должен как-то объяснить осталь-

ным, почему моя
жена решила приехать ко мне на службу. И почему я, вместо того чтобы
отправить её обратно, сижу тут и обнимаю её, как последний дурак.
Я приподняла голову.
— Потому что ты меня любишь?
— Потому что я тебя люблю,
— подтвердил он.
— И потому что я
прекрасно знаю, что ты всё равно будешь стоять на своём, пока мы не
поговорим нормально.
Я улыбнулась.
— Умный ты у меня.— Поздно это понял.
Я ткнула его пальцем в бок.
— Эй!
Он поймал мою руку и поцеловал пальцы.
— Только давай договоримся об одном, малыш.
Я сразу насторожилась.
— О чём?
Его лицо стало серьёзным.
— Не делай вид, что тебе не страшно, если будет страшно. Не пытайся
передо мной изображать железную женщину. Не надо мне улыбаться,

когда тебе хочется плакать, только потому, что ты решила всем доказать,

что справишься.

Я молчала.

Потому что он попал именно туда, куда нужно.

— Я знаю тебя, малыш,

— продолжил он.

— Ты можешь шутить до

последнего, огрызаться, строить из себя самую бесстрашную на свете. Но

я-то вижу, когда ты просто пытаешься не развалиться.

Я опустила голову.

— Я не хочу быть для тебя обузой, коть.

Он мгновенно нахмурился.

— Что?— Ну… Ты и так переживаешь. У тебя здесь своих проблем хватает. Я не

хочу, чтобы ты ещё и за меня…

— Малыш, посмотри на меня.

Я подняла глаза.

— Ты мне жена. Не обуза. Поняла?

Я кивнула.

— И если тебе плохо, ты говоришь мне. Если боишься — говоришь. Если

устала — тоже. Не нужно заслуживать право на мою заботу тем, что ты

всегда улыбаешься.

У меня снова защипало глаза.

— Коть…

— Что?

— Обними меня.

Он тихо выдохнул и притянул меня к себе.

— Иди сюда, малыш.

Я обняла его так крепко, как только могла.

И на этот раз не пыталась сдерживать слёзы.

Потому что, наверное, именно этого мне и не хватало все три месяца.

Не обещаний, что всё будет хорошо.

Не уверений, что ничего страшного не случится.А возможности просто прижаться к нему и хотя бы ненадолго перестать

быть сильной.

— Так,

— спустя некоторое время произнёс Цыган мне в макушку.

— А

теперь ещё один вопрос.

Я даже не подняла головы.

— Коть, ну мы же договорились без допросов.

— Мы не договаривались. Ты сама это придумала.

— Какая неприятная у тебя манера вести переговоры.

— Малыш.

— Что?

Он чуть отстранился.

— Ты уже кому-нибудь успела рассказать, что приехала сюда?

Я замерла.

Потом медленно подняла на него глаза.

— Ну…

Цыган закрыл глаза.

— Малыш. Только не говори мне…

— Я сказала родителям, что еду в Москву по работе.

Он молчал.Я осторожно добавила:

— На год.

Цыган открыл глаза.

И посмотрел на меня так, что я впервые за всё утро по-настоящему

испугалась не его крика, а того, что он сейчас скажет.

— На год? — переспросил он очень тихо.

Я виновато улыбнулась.

— Ну, коть…

— Малыш, ты не просто приехала без предупреждения. Ты ещё и оставила

дома двоих маленьких детей, а родителям сказала, что уехала работать в

Москву?

Я сглотнула.

— Если так сформулировать, звучит не очень.

— Если так сформулировать?! — возмутился он.

— Коть…

— Нет, малыш. Вот теперь мы точно будем разговаривать.

И по его лицу я поняла: самое сложное у нас действительно только

начиналось.

Блиндаж. Только мы двоеЦыган всё ещё держал меня в объятиях, будто стоило ему хоть немного

ослабить руки — и я снова исчезну. Я лежала рядом, прижавшись к нему

всем телом, слушала его дыхание и чувствовала, как постепенно отступает

напряжение последних дней.

Он провёл ладонью по моим волосам, убрал прядь с лица и задержал

пальцы у щеки.

— Что? — тихо спросила я, заметив его взгляд.

— Ничего, малыш.

— Ты так смотришь, будто до сих пор не веришь, что я здесь.

— А я и не верю.

Я улыбнулась и потянулась к нему за поцелуем. Сначала он поцеловал

меня осторожно, почти бережно, словно боялся причинить боль. Но я сама

обняла его за шею и прижалась ближе, не желая этой осторожности.

— Я скучала по тебе,

— прошептала я ему в губы.

— Знаю.

— Нет, не знаешь.

— Тогда расскажешь мне, малыш. Всё расскажешь. Только не сейчас.

И снова поцеловал меня.

На этот раз совсем иначе.

В его движениях больше не было той сдержанности, с которой он пытался

держаться весь вечер. Он притянул меня к себе, крепко обнял, и я ответила

ему с той же жадностью, словно за эти месяцы между нами накопилось

слишком много невысказанного. Все мои обиды, тревога, бессонные ночии бесконечное ожидание вдруг обрели выход в простом желании быть

ближе. Ещё ближе.

Я запустила пальцы в его волосы, и он тихо выдохнул мне в губы.

— Малыш…

— произнёс он хрипловато.

— М-м?

— Ты хоть понимаешь, что со мной делаешь?

Я улыбнулась, не открывая глаз.

— Примерно догадываюсь.

— Маленькая зараза,

— пробормотал он и снова поцеловал меня.

Я рассмеялась, но смех быстро растворился в поцелуе. Он целовал меня

так, словно пытался наверстать всё время, которое мы потеряли порознь. Я

отвечала ему, обнимала крепче и ни на секунду не хотела отпускать.

Между нами больше не оставалось места ни для расстояния, ни для

тревожных мыслей. Только тепло, сбившееся дыхание, шёпот и

прикосновения, в которых было куда больше чувств, чем мы смогли бы

выразить словами.

— Я люблю тебя,

— выдохнула я, прижавшись лбом к его лбу.

Цыган на мгновение замер. Потом провел пальцем по моему подбородку, а

большим пальцем коснулся нижней губы. Я видела голод в его глазах,

желание, которое отражало мое собственное. Казалось, что блиндаж

вокруг нас сжимается, а внешний мир теряет значение, пока мы

растворяемся во взглядах друг друга.

Я потянулась к нему, накрыла его руку своей и нежно поцеловала его

ладонь. У него перехватило дыхание, и я увидела в его глазах борьбу,

внутреннюю борьбу между желанием и сдержанностью. Я хотела, чтобыон отпустил себя, растворился во мне так же, как я хотела раствориться в

нем.

— Займись со мной любовью, Цыган,

— прошептала я едва слышно.

—

Пожалуйста.

Он на мгновение закрыл глаза, словно собираясь с духом, а затем снова

открыл их, его взгляд был напряженным и сосредоточенным. Он

наклонился, и его губы нашли мои в мягком, нежном поцелуе, который

быстро перерос в нечто более страстное и настойчивое.

Я застонала, тихо чтоб это мог слышатт толтко он, не отрываясь от его губ,

и запустила руки в его волосы, притягивая его ближе. Он ответил тем же,

его руки блуждали по моему телу, оставляя за собой огненный след. Я

чувствовала, как между нами нарастает жар, желание, ко-

торое грозило
поглотить нас обоих.

Он оторвался от моих губ, его губы скользнули вниз по моей шее, а зубы
нежно прикусили кожу. Я ахнула и запрокинула голову, чтобы ему было
удобнее. Он воспользовался этим, его руки потянулись к молнии моей
куртки, расстегивая ее, костяшки его пальцев касались моей кожи, и по
спине у меня побежали мурашки.

Я помогла ему, стянув куртку, а затем иискинула футболку под ней и
обнажившись перед ним. Он смотрел на меня с благоговением и желанием,
и я чувствовала силу его эмоций, глубину его любви ко мне.

— Ты прекрасна,
— прошептал он, обхватив ладонями мою грудь и
поглаживая большими пальцами соски. Я выгнулась навстречу его
прикосновениям, и с моих губ сорвался тихий стон. Он наклонился, и его
руки сменились губами. Он обвел языком мой сосок, слегка прикусив
чувствительную плоть.

Я чувствовала влагу между ног, боль, которую мог унять только он. Я

потянулась к нему, мои руки скользнули к пуговицам его формы,

расстегивая их неловкими пальцами. Он помог мне, стянув форму с плеч,

обнажив свое тело.

Я провела руками по его груди, ощущая твердые мышцы и шрамы,

которые рассказывали историю его прошлого. Он был воином,

защитником, и он был моим. Я наклонилась, наши губы встретились, мой

язык скользнул по его подбородку, шее, ключице.

Он застонал, его руки скользнули к моим бедрам, он поднял меня и

положил на импровизированную двуспальную кровать в углу выделенойнвм комнотки. Он бережно уложил меня, накрыл своим телом и снова

нашел мои губы в страстном, всепоглощающем поцелуе.

Я чувствовала его твердость у своего бедра — свидетельство его желания.

Я обхватила его ногами, притянула к себе и начала тереться об него. Он

застонал, его бедра задвигались в ответ, а член прижался к моей

промежности.

Он потянулся вниз, его пальцы нащупали край моего белтя и отодвинул

его в сторону. Я ахнула, когда он скользнул в меня пальцем, а его большой

палец начал ласкать мой клитор. Я застонала, мои бедра двигались в такт

его руке, мое тело стремилось к удовольствию, которое он мне дарил.

Он добавил еще один палец, растягивая меня, подготавливая к себе. Я

чувствовала, как внутри нарастает напряжение, как с каждым движением

его руки растет потребность в разрядке.

— Цыган,

— выдохнула я, впиваясь ногтями в его спину.

— Пожалуйста.

Он посмотрел на меня потемневшими от желания глазами и убрал руку. Я

всхлипнула от разочарования, но этот звук превратился в стон, когда он

заменил пальцы своим членом, войдя в меня одним медленным,

уверенным толчком.

Я выгнулась ему навстречу, мое тело растягивалось, чтобы принять его,

мои внутренние мышцы сжимались вокруг него. Он застонал, прижавшись лбом к моему лбу, его дыхание стало прерывистым.

— Боже, как же хорошо,

— пробормотал он, медленно и ритмично двигая бедрами.

— Я скучал по этому. Я скучал по тебе.

Я чувствовала эмоции в его голосе, любовь и тоску, которые отражали мои собственные чувства. Я обняла его, прижала к себе, и наши тела задвигались в унисон.

Наши занятия любовью были медленными и нежными, это был танец взаимных уступок, признание в любви и тоске. Мы растворились друг в друге, наши тела двигались синхронно, наши сердца бились в унисон.

Я чувствовала, как внутри меня нарастает удовольствие, как с каждым движением его бедер усиливается напряжение. Я видела в его глазах борьбу с собой, желание отпустить себя.

И с последним толчком мы оба достигли пика, наши тела содрогались от силы нашего освобождения. Он застонал, его член пуль-

сировал внутри

меня, наполняя меня своим семенем. Я застонала, мое тело сжалось вокруг

него, выжимая из него все до последней капли.Мы лежали так какое-то время, наши тела все еще были соединены, наши

сердца бились в унисон. Он перекатился на бок, увлекая меня за собой, его

руки обвились вокруг меня, а губы прижались к моему лбу.

— Я люблю тебя,

— прошептал он срывающимся от волнения голосом.

—

Больше всего на свете.

Я улыбнулась, мои глаза закрылись, тело было пресыщено и довольно.

—

Я тоже тебя люблю,

— пробормотала я, уже засыпая.

— Навсегда.

И в этот момент, когда его тело прижималось к моему, когда его любовь

окутывала меня, я поняла, что, что бы ни ждало нас в будущем, мы

встретим это вместе. Потому что любовь — это обещание, обязательство,

навсегда. И я была готова провести остаток жизни, выполняя это
обещание, любя его и будучи любимой им.

Первое утро на позиции.

Утро подкралось незаметно. За тонкой тканью, прикрывавшей вход в
блиндаж, уже пробивался тусклый серый свет, но мы всё ещё лежали в
обнимку, не желая выбираться из-под одеяла.

Я проснулась первой.

Несколько секунд просто смотрела на Цыгана. Растрёпанные волосы,
расслабленное лицо, рука, крепко обнимавшая меня даже во сне.

Непривычно было видеть его таким спокойным. Без привычной
настороженности во взгляде, без напряжения в плечах, без той тяжести,
которую он постоянно носил с собой на позиции.

Четыре месяца.

Четыре месяца я засыпала без него, просыпалась без него, ловила себя на
желании рассказать ему какую-нибудь глупость и только потом
вспоминала, что написать некому. А последние три месяца между нами

была полная тишина. Ни звонка, ни сообщения, ни малейшей уверенности,

что с ним всё в порядке.И вот теперь я рядом с ним, он был здесь со мной.

Вчерашняя ночь получилась совсем не такой, как я представляла себе

наши встречи в бессонных фантазиях. В ней не было красивых речей и

заранее придуманных признаний. Сначала были обида, злость, вопросы, на

которые мы оба не знали, как ответить. А потом — объятия, поцелуи и та

близость, которой мы слишком долго были лишены.

Мы оба соскучились настолько, что порой не нуждались в словах. Мне

хотелось чувствовать его рядом, удостовериться, что он настоящий, что

мне больше не нужно смотреть на телефон в ожидании хоть какой-нибудь

весточки. А он будто пытался наверстать все те вечера, когда не мог обнять

меня, успокоить, прижать к себе после тяжёлого дня.

В его поцелуях было столько накопившейся тоски, что у меня

перехватывало дыхание. В его объятиях — привычная сила, но теперь к

ней примешивалась какая-то почти отчаянная нежность. Он то притягивал
меня ближе, то останавливался, заглядывая в глаза, словно ему было важно
убедиться, что я действительно хочу быть здесь, с ним, и ни о чём не
жалею.

Я не жалела.

Я сама тянулась к нему, сама обнимала его, сама возвращалась за
очередным поцелуем. И каждый раз, когда между нами возникала пауза,
мы словно вспоминали, что теперь можем не торопиться прощаться. Что
не нужно успевать сказать всё за несколько минут разговора, пока связь не
оборвалась. Что можно просто остаться рядом.

Ночь вышла страстной, местами почти отчаянной, но при этом
удивительно родной. Мы были мужем и женой, которые слишком долго
жили порознь, и за этой близостью стояло гораздо больше, чем одно
желание. В ней смешались любовь, накопившаяся нежность, страх
потерять друг друга и облегчение от того, что ожидание

наконец

закончилось хотя бы на эту ночь.

А под утро страсть постепенно уступила место спокойствию. Мы лежали

рядом, переплетя руки, и Цыган несколько раз сонно притягивал меня к

себе, стоило мне чуть отодвинуться. В какой-то момент я даже тихонькорассмеялась, потому что он обнимал меня так крепко, будто я собиралась

сбежать.

— Ты чего? — пробормотал он, не открывая глаз.

— Ничего.

— Малыш, я слышу, как ты улыбаешься.

— А ты даже спишь и всё равно за мной следишь?

Он наконец открыл глаза и посмотрел на меня с ленивой улыбкой.

— После того, как ты заявилась ко мне на позицию без предупреждения?

Ещё бы.

— Ой, началось…

Я попыталась отвернуться, но он тут же притянул меня обратно,

уткнувшись носом в мои волосы.

— Лежи уже.

— Командир нашёлся.

— Для тебя — особенно.

Я фыркнула и устроилась у него на груди. Он поцеловал меня в макушку, а

потом тихо произнёс:

— Я скучал по тебе, малыш. Очень.

На этот раз я не стала шутить.

Просто обняла его крепче.Потому что никакие слова не могли объяснить, насколько сильно я скучала

тоже.

Утро за тканью в общей комнате позиции начиналось как обычно: кто-то

уже гремел кружками, кто-то ругался на остывший чай, а кто-то пытался

доказать остальным, что спать ещё было жизненно необходимо.

В общем, ничего необычного.

Кроме того, что я с Цыганом до сих пор не показывались.

Агат, сидевший за самодельным столом с кружкой в руках, периодически

поглядывал на дверной проём выделенной нам комнаты. Чем дольше она

оставалась закрытой теанью, тем шире становилась его ухмылка.

— Мужики, у меня вопрос,

— наконец протянул он, обводя

присутствующих взглядом.

— У нас тут супружеская пара теперь на

постоянной основе или они только на гастроли приехали?

Феникс, не поднимая головы от своего завтрака, хмыкнул.

— Завидуешь?

— Чему? — возмутился Агат.

— Тому, что Цыган наконец-то занялся

выполнением семейных обязанностей? Да я за него рад! Человек четыре

месяца в разлуке был. Ему теперь задолженность за весь срок закрывать, а

это, я вам скажу, работа не на одну смену.

Кто-то за столом прыснул в кружку.

— Агат,

— лениво предупредил Старый,

— ты бы лучше завтрак доел,

пока зубы целы.

— А что я такого сказал? Я за дисциплину! — Агат прижал ладонь к груди

с видом оскорблённой невинности.

— У нас тут всё по уставу должно

быть. Прибыл боец на позицию — доложился. Прибыла жена командира— тоже доложилась. А дальше, я так понимаю, у них отдельный график

мероприятий.

— Ты когда-нибудь заткнёшься? — спросил Феникс.

— Когда Цыган выйдет и лично подтвердит, что задолженность погашена.

Смех прокатился по помещению.

И именно в этот момент ткань наконец приоткрылась.

Первым появился Цыган.

Выглядел он вполне спокойно, даже подозрительно спокойно для человека,

который вчера едва не разнёс половину блиндажа от злости и

переживаний. Волосы чуть растрёпаны, футболка помята, на лице —

привычное выражение человека, которому с самого утра уже успели

надоесть окружающие.

Он остановился у входа, окинул взглядом собравшихся и сразу заметил,

как Агат медленно, с откровенным удовольствием, расплывается в улыбке.

— О-о-о,

— протянул тот.

— А вот и наш герой!

Цыган молча потянулся за кружкой.

— Доброе утро, должник!

Рука Цыгана замерла.

— Чего?

— Да я говорю, доброе утро! — Агат невозмутимо развёл руками.

— Ты

чего такой нервный? Мы тут переживали. Четыре месяца человек в

разлуке. Я уж думал, ты решил семейный долг списать по истечении срока

давности.Феникс отвернулся, пряча улыбку.

Цыган медленно повернул голову к Агату.

— Ты сегодня слишком разговорчивый.

— Так я с утра бодрый. А ты, я смотрю, тоже отдохнул. Даже лицо

помягчело.

— Агат.

— Всё, всё, молчу. Я просто хочу сказать, что мы за тебя рады. Мужик

должен заботиться о семье. Особенно когда задолженность накопилась

такая, что её, наверное, отдельной ведомостью учитывать надо.

На этот раз засмеялись уже почти все.

Цыган поставил кружку на стол и посмотрел на него так, что смех начал

постепенно стихать.

— Закончил?

— Почти. Последний вопрос.

— Нет.

— А я ещё не спросил!

— И не спросишь.

— Ладно, ладно. Тогда хотя бы скажи: график погашения утверждён или
нам ждать продолжения?
— Агат,
— вмешался Старый,
— ты сам себе яму копаешь. И копаешь с
энтузиазмом.
— Я человек любопытный!— Ты человек без инстинкта самосохранения,
— поправил Феникс.
Цыган только покачал головой и направился к ящику, где лежали чистые
кружки.
— Ещё одно слово — и будешь неделю дежурить за всех.
— Вот! — Агат тут же ткнул пальцем в его сторону.
— Слышали? Человек
счастливый, а всё равно угрожает личному составу. Значит, всё прошло
успешно.
Цыган резко обернулся.
— Ты сейчас договоришься.
— Да я уже всё понял! — Агат поднял обе руки.
— Молчу. Семейная
жизнь, счастье, любовь. Не мешаю.
Он выдержал паузу и тихо добавил:
— Но задолженность-то была серьёзная…

Цыган шагнул в его сторону.

Агат мгновенно вскочил и спрятался за Феникса.

— Не-не-не! Я за мир! Я за крепкие семьи! Я вообще считаю, что

командиру положен полноценный отдых!

— Иди сюда,

— спокойно сказал Цыган.

— А вот это уже звучит как приглашение на разговор, к которому я не

готов.

— Агат.— Всё! Ухожу! Исчезаю! Меня здесь нет!

Он обогнул стол и поспешил в дальнюю часть блиндажа, а остальные

снова расхохотались.

Цыган выдохнул, потёр лицо ладонью и пробормотал:

— Идиоты.

— Зато с утра повеселились,

— заметил Старый.

— Я смотрю, ты тоже хочешь на дежурство?

— Я ничего не говорил.

Цыган покачал головой, но уголок его рта всё-таки дрогнул.

И тут ткань комнаты снова приоткрылась.

На пороге появилась я.

Волосы растрёпаны после сна, футболка немного перекручена, на плечи

накинута толстовка. Я ещё толком не успела осмотреться, как все взгляды

разом повернулись ко мне.

И в блиндаже воцарилась подозрительная тишина.

Я остановилась.

— А чего это вы все замолчали?

Агат выглянул из-за Феникса. Его лицо озарила такая улыбка, что я сразу

поняла: сейчас начнётся.

— Да мы тут, Лекс, обсуждаем вопросы семейной логистики.

Я прищурилась.— Чего?

— Ну, графики, сроки, задолженности… Ты же понимаешь, у нас

коллектив дружный. Мы за благополучие командира переживаем.

Я медленно перевела взгляд на Цыгана.

Он стоял у стола, скрестив руки на груди, и смотрел в потолок с

выражением человека, который уже мысленно выбирал, кого первым

отправить на самое неприятное дежурство.

— Агат,

— сказала я,

— а тебе заняться нечем?

— Есть чем! Но такого интересного материала у нас давно

не было.

— Какого ещё материала?

— Четыре месяца разлуки, три месяца тишины, воссоединение семьи…

—

он загнул пальцы.

— Тут, Лекс, целая история. Я бы даже сказал, подвиг.

Я прикрыла лицо ладонью.

— Господи…

— Не стесняйся! — бодро поддержал он.

— Мы взрослые люди. Всё

понимаем. Главное, что командир теперь снова в строю. И, судя по его

настроению, морально-психологический климат в семье восстановлен.

Феникс уже откровенно смеялся.

Я посмотрела на мужа.

— Ты собираешься что-нибудь с этим сделать?Цыган наконец отвёл взгляд от потолка и посмотрел на меня. В его глазах

мелькнула такая знакомая тёплая усмешка, что я невольно улыбнулась в

ответ.

— Собираюсь, малыш.

Он прошёл мимо меня, на секунду коснулся ладонью моей спины и

остановился рядом с Агатом.

— Ты сегодня за всех на кухне. Потом за всех на дежурстве. А если я ещё

раз услышу слово «задолженность», будешь чистить всё, что остальные

даже трогать не хотят.

Агат возмущённо распахнул глаза.

— Командир, это же превышение полномочий!

— Пиши жалобу.

— Кому?!

— Жене. Она у меня теперь тоже тут.

Я не выдержала и рассмеялась.

Агат посмотрел на меня с надеждой.

— Лекс, ну ты же справедливая! Скажи ему!

Я изобразила задумчивость.

— Знаешь, Агат… Мне кажется, ты ещё легко отделался.

— Предательство! — выдохнул он, хватаясь за сердце.

— Семейный

подряд! Они теперь вдвоём против меня!— Не против тебя,

— поправила я, проходя к столу.

— Просто ты сам

напросился.

Цыган пододвинул мне свободную кружку и тихо спросил:

— Чай будешь, малыш?

— Буду.

Он налил мне чай, поставил кружку передо мной и коротко поцеловал в
висок, совершенно не обращая внимания на то, как Агат снова начал
расплываться в улыбке.
— Всё,
— прошептал тот, обращаясь к Фениксу.
— Теперь точно можно
официально закрывать задолженность.
— АГАТ! — рявкнули мы с Цыганом одновременно.
И вот тогда блиндаж взорвался таким хохотом, что, кажется, нас было
слышно даже снаружи.
Агат, кажется, решил, что утреннее наказание — недостаточная плата за
удовольствие, которое он получил от чужой семейной жизни.
Я только успела сделать пару глотков чая, как он возник напротив и
бесцеремонно уселся на свободный ящик.
— Так, Лекс, у меня к тебе деловое предложение.
— Нет,
— ответила я, даже не подняв глаз.
Феникс подавился чаем.
— Ты хотя бы выслушай!
— Агат, я тебя ещё не знаю, но уже уверена, что любое

твоё деловое
предложение заканчивается тем, что кто-то другой делает работу, а ты
стоишь рядом и комментируешь.
Старый одобрительно хмыкнул.
— Девка соображает.
— Девушка,
— тут же поправила я, поворачиваясь к нему.
— Девушка,
— без возражений согласился Старый.
— Тем более
соображает.
— Вот! — Агат хлопнул ладонью по колену.
— Уже командуешь! Цыган,
ты её точно сюда привёз или она сама по дороге всех построила?— Я её не привозил,
— отозвался муж.
— Она сама приехала. И, как
выяснилось, сама решила, что ей можно.
— О-о-о,
— протянул Агат.
— А вот это интересная история. Мадам,
расскажите, как вы умудрились пробраться к нашему суровому
командиру? Он же у нас человек занятой, грозный, весь такой

недоступный…

— Очень просто. Я сказала, что еду в Москву работать.

На секунду стало тихо.

Феникс медленно опустил кружку.

— Куда?

— В Москву.

— А приехала сюда?

— Как видишь.

Агат посмотрел на Цыгана. Потом на меня. Потом снова на Цыгана.

— Брат,

— произнёс он с искренним уважением,

— я снимаю шляпу. Тебе

не жена досталась, а целая спецоперация.

— Договоришься,

— предупредил Цыган.

— Да я же восхищаюсь! У нас тут люди маршруты согласовывают,

документы оформляют, разрешения получают. А у тебя жена взяла и

организовала собственное развертывание на позицию.

— Агат,

— я поставила кружку на стол,

— ты когда-нибудь молчишь?

— Только когда ем.— Тогда ешь.

Феникс расхохотался. Даже Старый спрятал улыбку за

кружкой.

Агат же прижал ладонь к груди.

— Всё. Я понял. Меня здесь не любят.

— Наконец-то дошло,

— заметил Цыган.

— Нет, ну вы посмотрите на него! — Агат обернулся к остальным.

—

Вчера человек чуть блиндаж не разнёс, когда увидел жену, а сегодня сидит

довольный, чай ей наливает. И это тот самый Цыган, который нам месяц

назад сказал, что личные дела не должны мешать службе!

— Они и не мешают,

— сухо ответил муж.

— Конечно. Особенно когда личные дела требуют отдельной комнаты.

Я поперхнулась чаем.

— Агат!

— Всё, всё! — Он поднял руки, но по его лицу было понятно, что

останавливаться он не собирается.

— Больше ни слова. Я просто рад, что у

нас теперь семейная атмосфера.

— Ещё одна шутка, и будешь создавать эту атмосферу на кухне в

одиночку,

— пообещал Цыган.

— Понял, командир. Ухожу в закат.

Он действительно поднялся, но, проходя мимо меня, наклонился и

негромко добавил:— Если что, Лекс, обращайся. Я тут главный специалист по выживанию

рядом с этим человеком.

— Агат, я всё слышу,

— сказал Цыган, даже не повернувшись.

— А я и не шепчу!

Агат улизнул под общий смех.

Я покачала головой, улыбаясь в кружку.

— У вас всегда так?

— Хуже бывает,

— ответил Феникс.

— Просто сегодня у них праздник.

— Какой ещё праздник?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.